

Если путь недалек, но измерен...

Зоя Дякина

Это горечь и страх,
Это пепел времен на устах,
Это шепот костра,
Обжигающая немота

Всех времен, всех имен,
И пространство, и тревог, и заман,
Утеск за кормой
Кабля, что садится на мель,

Это трепет листвы,
Это холод внутри позвонков,
Это спящий ковыль,
Это облачное молоко,

Теплый зойд-вест,
Школьников светный гам,
Караван каравелл,
Уносящих свой бег к берегам.

Это шик, это мыс,
Это крайняя точка пути –
Это то, чему мы
Не сумеем название найти.

Школьный сад, десять яблонь,
Сирень и
Столько дней, столько снов
Впереди...
Орать не боишься колени?
Цирюди.

И царит под бунтующей
Кроной
Только яблук блаженнейший
Хруст;
На ветвах, как на царственном
Троне –
Де там грусть;

Сотни сказочных (нет ли)
Историй,
В них влюбляться, вникать
И вращать;
Лезь на ветви, ведь путь наш
Проторен, –
И мечтай;

Уносились в далекие дали
По дорогам (их нету прямой)
И еще вдохновеннее ждали
Перемен;

Передышка казалась
Привалом,
Зовом лебедя – гвалт голубей;
Даже небо в те годы бывало
Голубей...

Речь о пользе свечных заводов

Когда тебе кажется, можно,
Как будто играя,
Ладонь протянуть и погладить
Крутой горизонт,
То капают воск, остывая в воде,
Собираются
В бессмысленный легкий узор.

Когда, одурев от бессонницы,
Жажды и лени,
Выходишь на кухню, движенья
Легки и просты,
И снова в книжонке, живущей
Своей вес на коленях,
Свеча освещает листья.

Когда, расплескавшись
по снегу, закат затрещает,

А темная ночь не оставит
Попутных огней,
Чтоб не заблудился в пути,
Конный он или пеший,
Свеча остается в окне.

Когда же мечта, как дымок
Папиросный, растает,
Тогда остается последний,
Особенный шик:

Сжигать телеграммы
Из прошлого, их не читая,
И пальцами свечи тушить.

Дубинушка

Все будет представительно
И мудро,

Надежно, как законы
Силы тока:
Нас встретят звоном радостное
Утро
И розовая дымка на востоке.

Миры, мечты и золотые горы
Покажутся из бледного
Тумана.
Не позабыв о двух глотках
Кагора,

Мы вытащим ладони
Из карманов.

Надежней лямку
На плечах закрепим,
Потянем вдаль, к неведомым
И тревогам.

Нас рисовал Илья
Покойный Репин,
Мы бурлаки на матушке
На Волге.

Куда бы нас ни вывезла кривая
(Коктейли, рецептура,
Ерофеев),

Мы тянем лямку, песни
Напевая,
Считая поражения и трофеи.

Так с наших грез (и этого
Не скроешь),
Как краска, оползает
Позолота...

Мы бурлаки последнего
Покроя,
Мы дураки высокого полета.

Марине Ласкиной
Никаких изменений
От вечера и до утра,
Только кровь остывает
Невольно в расширенных венах,
Только небо намного серее,
Чем было вчера,
Точно знает, чего ожидать
От ввалившихся в Вену.

А на улицах дамы по-прежнему
В длинных плащах,
И по-прежнему легкие шарфы
Беспомощно реют,
И на ветках по-прежнему
Взбалмошно птицы трещат,
И цветы расцветают
В разбухенных оранжевых.

В венской опере вечером будет,
Бесспорно, концерт.
Постоянных поклонников
Вновь узнаваемы лица.
И, конечно же, будут букеты,
Но после, в конце
Беспокойных аккордов,
Готовых с овацией слиться.

И промчится над залом
Тревожный еврейский мотив,
И ни разу не дрогнут смычки
В исхудавших ладонях,
И пришедшим за ними никто
Не позволит войти
В этот мир, поселившийся
На нотном стане продольном.

Они знают, что скрипки
Назавтра у них отберут
И отправят друг другу вдогонку
– к еврейскому раю,
Только это потом, только
Срок истекает к утру,
А сегодня они ошалело
И жадно играют.

Что ж останется им, когда
Смерть на своем поводке
Поведеет за собой
В обреченность, в бессилье,
В безверье?

Только собранный за день
Безумный еврейский оркестр
Да последний концерт,
Заглушающий топот за дверью.

Ряд окопов, как будто
Прожилики.
Всем известно: неблизок
Покой.
Городок меж полей над рекой
Покидают отряды чужие.

И встречает бездомная осень
Тихих женщин
На скорбных полях,
И пока не промерзла земля
(Они этого только и просят),

Можно выйти тихонько
За город
И, не помня сегодняшних дат,
Хоронить неизвестных солдат,
Пряча в горле нетленное горе.

Хоть последние стоптаны боты,
Ни за что не утихнут запал,
Слишком мало и сил, и лопат,
Слишком много упорной
Работы.

По земле расстилается иней,
И над каждым
Из брошенных тел

Точно свечки горят в темноте
На полях, что остались
За ними...

Если путь недалек, но измерен,
Что ж поделаться?
Собрав свою рать,
Мы друзей выбирать не умеем –
Мы умеем за них умирать.

Корабли упираются в мели,
Им для этого нужен лишь миг.
Мы путей выбирать не умеем –
Мы умеем идти напрямик.

Только жизнь, как зерно,
Перемелет,
И кусок не пройдет мимо рта.
Мы времен выбирать не умеем –
Мы умеем платить по счетам.

А. Фролову
Стоит, к подставке
Как привязан,

Неповоротлив, как доска,
Покрытый слов нечеткой вязью
Старинный глобус моряка.

Стоит, вздыхает и ветшает
Потертый ветеран труда,
Покрытый пылью старый шарик
На землю списан навсегда.

И ясным днем иль утром
Ранним
Никто не станет голосить,
Когда вдоль всех меридианов
Рассыплется, как апельсин.

Скажем без серьезностей
И шуток,
Прямо не идя, но не вяляя:
Дернув за кольцо парашюта,
Мы свое паденье замедляем.

И земля становится все ближе,
И на ней, такой нежданно
Плоской,
Волны, как собаки – шкуру,
Лижут
Берегов широкие полоски.

По песку, что остро
Солю пахнет,
Тень от дерева – секунда –
И проляжет,
И огромная морская черепаха
Царственно протопает
По пляжку.

Это не паденье – приземленье.
И песок досохнет на ладонях
В мире, где не будет
Преступлений,
Ненависти, боли и кордонов.

Зашептались окраины,
Листья шуршат,
И дрожит под ногами проспект.
Что же делать, коль хочешь,
Чтоб город дышал,
И смеялся, и плакал, и пел?

Разлетаются улицы и тупики,
А мосты, точно птицы, парят,
И высотки, насуплено,
Точно клыки,
Дружно строятся
В ровненский ряд.

И когда перекрестки
Вздыхают листвою,
И когда не горят фонари,
Тебе кажется: улицы
Ждали того,
Кто бы их научил говорить.

Почему же никто
Не ответил тебе
Ни на зов, ни на вызов,
Ни на вдох и выдох,
Ни на безысходный забег
Через улицы, сквозь времена?

Но замри – и услышишь,
Как город несет
Свою песню по всем этажам,
Как деревья рассказывают
Обо всем
Нарисованным на гаражах.

Присмотрись – и увидишь:
Ветра тербят,
Точно юбки, соседский балкон.
Что поделать, коль город
Живет без тебя,
Объясняясь своим языком?